DOI: 10.17117/na.2015.07.1323

<http://ucom.ru/doc/na.2015.07.1323.pdf>

Поступило в редакцию: 13.07.2015

Алешина Л.Н.

**Косвенный семантический субъект как коррелятивная
пара личного прямого семантического субъекта
в древнерусском языке XII-XIV вв.**

Aleshina L.N.

**Indirect semantic subject as a correlative
pair of the direct personal semantic entity in the
ancient Russian language of the XII-XIV centuries**

В статье анализируется семантический потенциал личного косвенного субъекта в древнерусском языке

Ключевые слова: косвенный семантический субъект, синтаксис, предложение

The article analyzes the semantic potential indirect personal subject in old Russian language

Key words: indirect semantic subject, syntax, sentence

Алешина Лариса Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный социальный университет
г. Москва, ул. В. Пика, 4

Aleshina Larisa Nicolaevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Russian State Social University
Moscow, B. Picks t., 4

Признание семантической специфики личных косвенных субъектов предоставляет возможность по-новому посмотреть на проблему древнерусского предложения. Косвенные субъекты всегда ретроспективны семантически, им необходима для полного информационного наполнения опора на предтекст или фоновые знания: ...яко же бо святии апостоли бес пристания послания творяху другъ къ другу, такоже и намъ подобно есть (Посл. арх. нов. Василия, с. 42);

Являясь «конструктивно обусловленным компонентом модели предложения» (Золотова Г.А.), косвенный субъект предполагает признание «диалектического единства формы и содержания» (Ефанова Л.П.) в конструкциях с личным косвенным субъектом. Такому пониманию способствует частая употребительность и стилистическая обусловленность описываемых конструкций в текстах исследуемого периода.

Такие конструкции, как правило, содержат дательный субъекта в грамматически обусловленных позициях, родительный с предлогом «у» или винительный. Любая из названных падежных форм, занявшая субъектную позицию, всегда потенциально задана предтекстом и фоновыми знаниями.

Семантический статус косвенного субъекта поддерживается структурно-синтаксическими особенностями предложений, сопряженных в единый смысловой комплекс.

Компонентный анализ семантической структуры приведенных предложений дает возможность выявить качественное своеобразие косвенного субъекта и приписываемого ему признака семантического центра высказывания. В таких предложениях, являющихся частями целого текста, происходит «семантическая «догрузка» присловных форм: субъектная семантика в них наслаивается на основное объектное значение, субъектная доминанта текста выводит их в смысловую и линейную препозицию. Эта понятийная операция, базирующаяся на отражательной действительности человеческого сознания, обусловлена своеобразием фиксируемой ситуации, ее чертами, акцентируемыми говорящим, и экстралингвистической отнесенностью личных местоимений, наиболее частотных в данной позиции» [3, с.195].

Возникновение субъектной семантики у словоформы, являющейся изначально косвенным падежом, включает ее в абсолютно особый элемент семантического содержания предложения. Носитель приписываемого ему признака – лицо, характеризующееся через посредство признака, появившегося в результате действий круга лиц, чаще всего просто не называемых говорящим или пишущим из-за «смысловой необязательности и актуализации других элементов высказывания» [3, с.195].

Семантический потенциал личного косвенного субъекта может развиваться и в структуре сложноподчиненного предложения. Смысловое единство частей в структуре сложного предложения обеспечивается «совпадением форм вида и времени предикатных компонентов, а причинное значение, частично опирающееся на временную последовательность действий и на специфику отраженной ситуации, создает дополнительную смысловую связанность первой и второй частей сложноподчиненного предложения» [3, с.200].

Находясь в определенной связи с семантической сферой людей, падежные формы анализируемых предложений потенциально возможны и в функции, формально не выраженной в них. Заранее намеченный какой-либо из частей сложного целого предмет внимания в изучаемых конструкциях выдвигается в смысловой центр, другая же часть предложения уточняет состоявшийся признак, появившийся у субъектной словоформы как отличительный, выделяющий ее из группы подобных предметов.

«Логика отношений выводит субъект за пределы суждения, он представитель реального мира, по отношению к которому говорящий или пишущий совершил акт предикации» [3, с.201]. Это приводит к семантической «перестройке» в морфологизованном дополнении, определяемом на уровне синтаксического членения. Определяющей на смысловой линии текста становится способность словоформы быть представителем предметов и явлений реально существующего мира, выделяемых автором из числа подобных.

Давая названия базовым элементам отражаемой действительности, косвенные падежи в русском предложении XII-XIV вв. формируют основной семантический компонент сложного целого; перед нами уже предмет с новыми

отличительными признаками, выделенными автором в предельно информативной части высказывания, новой по отношению к отражаемой ситуации [1].

Личный косвенный субъект семантически насыщает предложение дополнительными оттенками смысла; в результате смысл описываемых конструкций несколько специфицируется, если анализировать предложения не только как самодостаточную единицу, но и как органическую часть структурного и смыслового целого, имеющую специфическое коммуникативное значение.

Этот признак способствует включению предиката, как одного из важнейших компонентов синтаксической конструкции, в систему средств реализации субъектности. Следовательно, содержание субъекта и содержание предиката находятся между собой в функционально-семантическом взаимодействии.

Дательный субъекта как аналог подлежащего номинативного характера в древнерусском предложении. Устойчивым признаком семантического субъекта в древнерусском предложении является так называемый дательный субъекта (далее – ДС), представляющий собой сочетание имени в дательном падеже с предикатом. Основная сфера употребления дательного субъекта – памятники церковнославянской письменности.

Обращаясь к вопросу о происхождении ДС, И. Белорусов отмечал: «учитывая тот факт, что церковнославянский синтаксис создавался и развивался под непосредственным влиянием греческого синтаксиса богослужебных книг, можно было бы предположить, что церковнославянский и древнерусский ДС был полным соответствием греческому родительному самостоятельному и представляет собой простую его замену» [3, с. 69].

Однако история книжно-славянской письменности обнаруживает, что, будучи введен в область древнерусской письменности, ДС, продолжая использоваться в функции греческого родительного самостоятельного, расширил сферу своего употребления и стал явлением оригинальным [3, с. 70].

По данным специальных исследований, греческий родительный самостоятельный всегда переводится ДС, но не всегда даже в ранних переводных произведениях дательному самостоятельному соответствует в греческом родительный самостоятельный: ДС мог употребляться вместо обычного дат. п. В греческом, вместо винительного падежа с предлогом. Славянский переводчик мог перевести их придаточным предложением с союзом егда. однако регулярно предпочитал ДС [3, с.70].

Мы исходим из того из мысли, что любому предложению свойственна предикативность – семантическая категория, выражающаяся разноуровневыми языковыми элементами. При таком подходе объективированность предикативности «в каких-то определенных грамматических данностях» [5, с.48]; будет характеризовать лишь наиболее частотную разновидность личного двусоставного предложения, а дативные предложения займут самостоятельное место в ряду субъектно-предикатных структур, принадлежащих языковой системе. Логическим завершением подобного понимания предикативности будет некоторое расширение понятия подлежащего [2, с.153].

Мы ставим своей целью дать системное семантико-синтаксическое описание дативных предложений старорусского языка XII-XIV вв., выявить их структурные и смысловые особенности, показать правомерность их выделения в совершенно особый разряд монопредикативных конструкций, соотнесенных коррелятивно с исходной подлежащно-сказуемостной разновидностью [2, с. 155].

Основу видения мира человеком составляют активная и статическая модели «человек и его действие», «человек и его состояние» [4], являющиеся понятийным отражением класса денотативных ситуаций (S din| S stat). На уровне программы субъект в указанных моделях выявляет следующие категориальные признаки: предмет – одушевленный – лицо. Общим правилом для русского языка будет в наших случаях регулярная связь и предполагаемость оппозиций активный / статический и прямой / косвенный соответственно. Мы имеем в виду наиболее частотные варианты языкового содержания и выражения, составляющие центр указанных значений: человек и его действие” (N 1Vf) – активный субъект – прямая номинация; «человек и его состояние» – статический субъект – косвенная номинация. Хотя и в активной, и в статической моделях может быть нетрадиционное выражение. [2, с153].

Список литературы:

1. Алешина Л.Н. Семантика и формы личного прямого субъекта в древнерусском языке XII-XIV вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ставрополь, 2003. 209 с.
2. Ефанова Л.П. Семантика и формы личного субъекта в русском языке XVIIв. Ставрополь. 1994. 250 с.
3. Ремнева М.Л. История русского литературного языка. М.: МГУ Филология, 1995. 400 с.
4. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.К., Телия В.Н., Уфимцева А.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.
5. Шведова Н.Ю. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? // Русский язык за рубежом. 1971. №4. С. 48-56.

© 2015, Алешина Л.Н.

Косвенный семантический субъект как коррелятивная пара личного прямого семантического субъекта в древнерусском языке XII-XIV вв.

© 2015, Aleshina L.N.

Indirect semantic subject as a correlative pair of the direct personal semantic entity in the ancient Russian language of the XII-XIV centuries